

Из раскрытого настежь окна, выходящего в садик на крыше дома, в аккуратную маленькую спальню лился чистый и свежий,

радостный, утренний воздух. Ветка миндального дерева, вся в цвету, словно в бабочках, тянулась к окну; булькала вода в бочонке посреди сада, слышался праздничный звон в далёкой церкви, и в небе, пронизанном солнцем, летали ласточки.

Со вздохом отойдя от окна, Анна заметила, что муж этим утром забыл смять постель, как имел обыкновение делать всякий раз, когда не хотел, чтобы слуги знали, что он не спал в своей комнате. Она оперлась на локти, не касаясь кровати, потом легла, положив красивую белокурую голову на подушки, и прикрыла глаза, как если бы наслаждалась свежестью льняных простыней и собиралась немного вздремнуть. Стайка ласточек беспрестанно пронеслась с криками в проёме окна.

— Лучше бы ты был здесь,.. — пробормотала она немного спустя, и устало поднялась с кровати.

Муж должен был уехать этим вечером, и Анна зашла в его комнату, чтобы приготовить всё необходимое для поездки.

Открыв шкаф, она услышала писк в одном из внутренних ящичков и отпрянула в испуге. Она взяла стоявшую в углу комнаты трость с изогнутой рукояткой и, держась за её конец, рукояткой попыталась открыть ящик. Но вместо того, чтобы потянуть ручку ящика, рукоятка легко выскользнула из футляра, и обнажилось блестящее лезвие того, что Анна считала тростью. Анна, неожиданно оставшаяся с ножнами рапиры в руках, в отвращении бросила их на пол.

В это время другой звук заставил её резко обернуться к окну, как если бы она сомневалась, что это всего лишь пролетающая ласточка.

Переступив обнажённый клинок, она оказалась перед открывшимся отделением шкафа, где хранились костюмы мужа, которые он давно не носил. Из внезапного любопытства она принялась перебирать их, пока не дошла до пиджака, потёртого и выцветшего, в кармане которого, проведя по краю полы, она случайно нащупала кусок картона. Она скользнула рукой в карман, желая увидеть эту бумагу, потерянную и на столько лет забытую. Вот так, нечаянно, Анна обнаружила портрет первой

жены своего мужа.

Она вздрогнула, побледнела и быстро провела рукой по растёпанным волосам, будто в ознобе; потом, ничего не видя перед собой, с остановившимся сердцем, она направилась к окну, где остановилась, ошеломлённо, почти с ужасом, глядя на незнакомое лицо.

Объёмная причёска и платье устаревшего фасона помешали ей в первое мгновение заметить красоту этого лица. Но едва она сумела понять его особенности, абстрагироваться от наряда, теперь, столько лет спустя, казавшегося неуклюжим, как тотчас красота эта стала явной; в особенности поражали глаза. Будь эта рана телесной, у Анны пошла бы кровь. Порыв ненависти из сердца ударил ей в голову: она ненавидела её, ненавидела и ревновала к ней, ненавидела и презирала эту женщину, как тогда, когда только влюбилась в Витторе Бривию, спустя одиннадцать лет после супружеской драмы, разрушившей первый его брак.

Анна была не в силах понять, как могла жена предать Витторе, столь обожаемого ею человека, и ненавидела её, главным образом за это. Кроме того, родственники Анны были против их союза с Бривию, как если бы он был ответственен за позор и насильственную смерть своей неверной жены, и в этом она винила её тоже.

— Это она, да, это она, без сомнения! Первая жена Витторе, та, что умерла!

Её правоту подтверждала и надпись-посвящение на обратной стороне портрета: «Моему Витторе от твоей Альмиры — 11 ноября 1873 года».

Анна имела очень неопределённые сведения о смерти этой женщины, знала только, что Витторе, обнаружив измену, будто бы, с бесстрашием судьи, принудил её уйти из жизни.

Теперь она вспоминала с удовлетворением этот страшный приговор мужа, сердясь на эти «моему» и «от твоей» в посвящении, как если бы та, что писала это, нарочно выставляла напоказ прочность уз, связывавших её и Витторе, не смотря на её преда-

тельство.

Первая вспышка ненависти, бессмысленный огонь соперничества, вспыхнул и погас, оставив в душе Анны женское любопытство, желание изучить черты этого лица. Её почти удержала, однако, странная подавленность при виде предмета, принадлежавшего человеку, трагически погибшему; ужас живой, и ранее ей незнакомый, заслонённый прежде её любовью к мужу, который был в прошлом мужем и этой другой женщине.

Разглядывая портрет, Анна мгновенно отметила явное несходство изображённого лица с её собственным, и в сердце её закрался вопрос: как мог муж — любивший когда-то эту женщину, эту девицу, и, наверняка, считавший её красивой, — потом влюбиться в неё, настолько иную?

Лицо на портрете было красивым, гораздо красивее лица самой Анны, кроме того, женщина на портрете была темноволосой и смуглой. Вот: эти губы соединены как для поцелуя, предназначенного ему; но почему тогда в углах этого рта залегли такие горестные складки? И почему, в таком случае, взгляд этих глаз так напряжён?

Всё это лицо дышало глубокой печалью, и Анна была поражена, почти оскорблена истинной смиренной добротой, что выражали его черты. Она вдруг почувствовала отторжение и отвращение, потому что ей показалось, будто она узнала во взгляде этих глаз то же выражение, что заметила в зеркале, когда думала о муже, прихорашиваясь этим утром.

Она едва успела сунуть портрет в карман: муж появился, пытая, на пороге комнаты.

— Что делала? Как обычно? Каждый раз, какходишь в эту комнату делать уборку, ты мне всё тут переворачиваешь...

Потом, увидев папиру на полу, добавил:

— Ты сражалась с одеждой в шкафу?

И он рассмеялся тем своим смехом, что исходил только из горла, как если бы его кто-то щекотал, и, отсмеявшись таким образом, он посмотрел на жену, словно спрашивал её, поняла ли она настоящую причину его смеха. Смотрел глазами чёрными,

острыми, беспокойными, и веки его чуть подрагивали.

Витторе Бривлио обращался с женой, как с девочкой не слишком даровитой и наивной в своей ребяческой всепоглощающей любви, плотно окружившей его и порой докучавшей, и которой он уделял внимание лишь время от времени, демонстрируя, даже в этом случае, ироничную снисходительность, как если бы хотел сказать: «Так и быть! На какое-то время и я сделаюсь таким же ребёнком, как ты, но давай не будем тратить на это слишком много времени!».

Старый пиджак выпал из рук Анны. Бривлио поднял рапиру за острие, поднял пиджак, потом, подойдя к окну, позвал садовника, который, кроме того, исполнял обязанности кучера, и в тот момент запрягал лошадь. Едва только юноша (в рубашке с закатанными рукавами) появился в саду под окном, как Бривлио грубо бросил ему в лицо свой старый пиджак, сопровождая подачку словами: «Держи, это тебе!»

— Так тебе будет меньше работы, — добавил он, поворачиваясь к жене, — и ты справишься, будем надеяться!

И он снова рассмеялся этим своим напряжённым неестественным смехом.

Иной раз муж Анны уезжал в город на несколько дней, а иногда всего лишь на ночь, как в этот раз, но Анна, всё ещё под впечатлением своей находки, в этот обычный, казалось бы, день почему-то боялась оставаться одна, и заплакала, прощаясь с ним.

Витторе Бривлио, весь во власти спешки, боявшийся не успеть вовремя и, очевидно, беспокоящийся о своих делах, без особого такта воспринял эти слёзы, необычные для жены.

— Ну что такое! Почему? Ну, брось, девочка!

И, раздражённый, ушёл прочь, даже не попрощавшись.

Анна вздрогнула от звука хлопнувшей двери. Она осталась в зале с лампой в руках, чувствуя, как слёзы застывают в её глазах, потом сорвалась с места и с поспешностью удалилась в свою спальню.

В комнате уже горела лампа.

— Вы тоже идите спать, — сказала Анна горничной, которая

застыла ожидании. — Оставьте меня. Спокойной ночи.

Анна загасила светильник, но поставила его не на полку, как делала обыкновенно, а на ночной столик, предчувствуя, что тот, вопреки её воле, может понадобиться позже. Глядя в пол, она начала раздеваться. Когда платье упало к её ногам, она вспомнила, что там, в кармане, портрет, и с большим гневом почувствовала на себе взгляд этих ранящих глаз, что так сильно её поразили. Она решительно наклонилась, собрала с ковра одежду и, не складывая, бросила её на кресло в изножье кровати, как будто карман, в котором был спрятан портрет, и складки ткани должны были, и могли, помешать ей восстановить в памяти образ этой мертвой женщины.

То восстание чувств, что владело ею весь день, мешало ей теперь заснуть, и, едва она легла и закрыла глаза, как мысли её устремились вслед за мужем по дороге, что вела к железнодорожной станции.

Усилив воли, произошедшим от нервного перевозбуждения, она с необыкновенной ясностью увидела длинную дорогу, пустынную в ночи: дрожащий свет фонарей на мостовой, что, казалось, сама дрожала в их свете, подножье каждого фонаря, кольцом окружённого мраком, лавки, все запертые, и экипаж, в котором ехал Витторе, — как если бы она следовала за ним до станции. Она видела мрачный поезд под стеклянным навесом крытой платформы, множество людей на задымлённом, скудно освещённом перроне, слышала пронзительный свисток; и вот, поезд поехал, и — как если бы она, в самом деле, его видела, — стал удаляться и исчез в темноте. В это мгновение она вернулась в комнату, открыла глаза в своей пустой молчаливой спальне, словно после отсутствия, и смутно почувствовала вдруг, возможно, впервые за три года с момента, когда покинула родительский дом, пустоту, в которой с тех пор жила. Всё это время она была наполнена только своими чувствами, только своей любовью, и не замечала пустоты, да и теперь заметила её лишь потому, что весь день провела, словно приостановив своё сердце, чтобы смотреть, чтобы наблюдать.

— Он даже не попрощался со мной! — подумала Анна и заплакала снова, как если бы эта мысль была главной причиной её слёз.

Она приподнялась и села в постели, но тут же отдернула руку, потянувшуюся к одежде за носовым платком. Впрочем, теперь было бесполезно запрещать себе взять в руки этот портрет! Она вынула его. Снова зажгла свет.

Насколько иной она представляла себе эту женщину! Рассматривая портрет теперь, она испытывала невольные угрызения совести за тот образ, что раньше подсказывало ей воображение. Она представляла себе женщину довольно полную и румяную, с глазами сверкающими и смеющимися, склонную к веселью и вульгарным развлечениям... Теперь же, вот: молодая девушка, черты которой выдавали душу глубокую и печальную, с глазами словно бы впитавшими тишину, во всём отличная от неё, но вовсе не грубая, как представлялось ей прежде. Напротив, кажется, этому рту, этим губам, и вовсе никогда не приходилось смеяться, в то время как сама Анна чаще всего смеялась очень весело. И несомненно, это смуглое лицо, что было изображено на портрете, виделось куда менее весёлым, чем её собственный облик, белокурый и румяный.

Почему, почему она была так грустна?

Враждебная мысль сверкнула в голове Анны, и она тут же заставила себя оторвать взгляд от изображения, внезапно разглядев коварство, угрозу, не только спокойствию её мира, любви её, которая в этот день и без того получила ранение, но даже и её гордому достоинству порядочной женщины, которая никогда не позволяла себе даже малейшего сомнения, даже отдалённой критики в адрес мужа.

У неё был любовник! Из-за него, быть может, она была так печальна, из-за прелюбодейной любви своей, а не из-за мужа!

Она бросила портрет на тумбочку и снова погасила лампу, надеясь заснуть теперь без мыслей о женщине, с которой у неё не могло быть ничего общего. Но, опустив веки, она тут же, вопреки желанию, увидела глаза умершей, и напрасно старалась

прогнать это видение.

— Не из-за него, не из-за него! — пробормотала она тогда со страстным упрямством, как если бы этим самым надеялась освободиться.

И она постаралась вспомнить всё, что знала о том, другом, о её любовнике, как бы принуждая этот взгляд и печаль этих глаз обратиться не на неё уже, но на того давнего возлюбленного, о котором Анна знала лишь одно — его имя: Артуро Валли. Знала ещё, что он женился несколько лет спустя после той трагедии, как будто пытался доказать, что неповинен в грехе, возмездие за который требовал с него Витторе, и что он решительно отклонил его вызов, объявив, что никогда не будет драться с сумасшедшим убийцей. После этого отказа Витторе обещал убить его в любом месте, где встретит, пусть даже и в церкви; и тогда Валли вместе с женой уехал из страны, а потом вернулся, будто и не уезжал, едва Витторе женился снова.

Печаль этих событий, и воспоминания о трусости Валли, — забытые полностью, и мужем, который смог вернуться к жизни, как если бы ничего не случилось, и женился снова, и ею самой, которая была счастлива стать женой Витторе и прожила с ним три года без каких-либо мыслей о той, другой, — воскресли теперь впервые за столько лет и внезапно воскресили и этот живой женский образ, на который Анна смотрела теперь, скорее, с жалостью. И, казалось, эти глаза, полные страдания, говорили ей:

«Я одна мертва! А вы все живёте!»

Анна вдруг увидела себя, почувствовала себя, одинокой в доме. Она боялась. Да, жива была она, но за три года со дня свадьбы она ни с кем больше не встречалась, ни разу не видела даже своих родителей, сестру. Она, которая их обожала, которая была послушной дочерью и любящей сестрой, смогла восстать против их воли ради любви к мужу. Ради него, отвергнутого своими, смертельно больного, и умершего бы, без сомнения, если бы врачи не уговорили отца Анны уступить ей. Нехотя отец уступил, божась, что для него, для всей семьи, Анна после этой свадьбы

перестанет существовать.

Разница в возрасте в восемнадцать лет, на которые муж был старше Анны, тревожила её отца, но куда более серьёзное беспокойство у него вызывало финансовое положение Бривию, ненадежное и подверженное всяческим рискам, которым он, человек предприимчивый и деятельный, обыкновенно бросался навстречу с безрассудной верой, как в себя, так и в свою удачу.

На протяжении трех лет с момента замужества Анна, окруженная комфортом и удобствами, считала мнение отца о муже несправедливым и излишне благоразумным, бездумно проникшись той же уверенностью, что, по сути, хранила и её мужа; к тому же, разница в возрасте, до сих пор не очевидная, не доставляла разочарований ей и вызывала лишь удивление у окружающих, так как годы нанесли Бривию, наделённому неутомимой энергией и беспокойной живостью, лишь незначительный ущерб.

Совсем в другом Анна теперь впервые, пока даже не отдавая себе в том отчета, обвиняла мужа, глядя в глаза умершей женщины, изображённой на портрете.

Да, это было правдой: его, едва ли не презрительное, пренебрежение иногда обижало её, но так, как в этот день — никогда. Теперь впервые она чувствовала это мучительное одиночество, эту отринутость от родных, которые, как ей в эту минуту казалось, оставили её. Как если бы она, выйдя замуж за Бривию, уже имела что-то общее с этой мёртвой женщиной, и не была теперь достойна другого общества. И муж, который должен был утешить её, муж, казалось, не хотел видеть никакой заслуги в той жертве, которую она принесла во имя своей любви. Как будто ей ничего это не стоило, как будто он имел право на такую жертву с её стороны, и не был ничем ей обязан. Верно, она была так безумно влюблена тогда, что не чувствовала жертвы, но теперь, тем более, его долгом было возместить ей всё. И вот...

«Всегда так!» — казалось, выдохнули воспалённые губы покойницы.

Анна снова включила свет, и, глядя на портрет, была потрясе-

на выражением тех глаз. Так она тоже, действительно, страдала из-за него? Она тоже, она тоже, понимая, что нелюбима, чувствовала эту мучительную пустоту?

– Да? Да? – спросила Анна, задыхаясь от слёз, у женщины на портрете.

И ей показалось тогда, что эти честные, добрые, хорошие глаза, напряжённые от скорби и печали, сочувствовали ей в свою очередь, оплакивая и эту покинутость, и бесполезную жертву Анны, и ту любовь, что так и осталась запертой в груди. Как сокровище в ларце, ключами от которого он владел, но, как скупец, так никогда и не воспользовался.